

Дмитрий Володихин

Маленькая родина

Дмитрий Володихин

Маленькая родина

«Автор»

Володихин Д. М.

Маленькая родина / Д. М. Володихин — «Автор»,

© Володихин Д. М.

© Автор

Содержание

Дмитрий Володихин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Дмитрий Володихин Маленькая родина

Я много раз слышал выражение: «малая родина». Очень уж оно неласковое. Лучше говорить «маленькая родина». Выходит и нежнее, и правдивее. Она, эта самая маленькая родина, встроена в сердцевину личности. Назвать ее, значит объяснить себя.

Что я вспомню, когда буду умирать? Бог весть. Где мои корни? В Евангелии. Кто моя любовь? Иисус и жена Ирина. Звезды над моей душой устоялись. Но какой груз внутри, под палубой ее, в темноте? Где священная земля, на которой выросло то, что я есть? В Москве, наверно.

Впрочем, сказать «в Москве» – ничего не сказать.

Я сделан в СССР. Все верхние этажи моей личности пришлось медленно, но верно пере-страивать, меняя знак пятиконечной звезды, всюду проставленный, на знак креста. Но нижние этажи перестроить невозможно. Что есть, то есть. И, пожалуй, не стоит рушить: там ведь неплохой, прочный фундамент, к чему расковыривать его? Мне лишь хотелось бы знать, где его краеугольные камни, что они такое, чему суждено остаться, если некто произведет со мной злой эксперимент и вырежет из моей памяти все до самого основания. Вот задача: увидеть *самое основание*, назвать его, почувствовать его.

* * *

Я помню много добрых мест. Деревянный домик бабы Пани – моей родни по линии матери – недалеко от железнодорожной станции Баковка в Московской области. Грядки с зеленью и клубникой, дубовая роща, величаво возвышавшаяся над помойками, сельская плотина и речушка-малютка, спеленутая болотцами, косыми дачными заборами, дощатыми мостками, сараюшками, мелкой ржавью, там и сям торчащей из воды... Огромный деревянный барак, сто лет ему в обед, изображал в пору моего детства вокзал, за ним торговали всякой мелочью, например, керосином для старых ламп и для кухонной горелки, заменявшей тогда газовую плиту, да еще мармеладом в форме зверюшек.

Перед станцией собралась в кучку вся поселковая культура. Кирпичная двухэтажная аптека: там в летние месяцы всегда бывало прохладно, а в воздухе висел угрожающе-резкий травяной запах, я никогда не чуял его в других аптеках... Нарядный ларек «Союзпечать» работал по неведомому графику, а потом и вовсе опустел, зачах. Неопрятным, бесшабашным «Продтоварам» противостояли через улицу приземистые, но горделивые «Культтовары». Бабульки, затевавшие вечерами покартенничать, наизусть знали, какое пятно на какой девятке, и какой угол у какой дамы оторван. Время от времени они намеревались идти в «Культтовары» за очередной колодой, да все откладывали. Голосистые, языкатые, любили они детвору и норовили кого-нибудь из нас ухватить за плечо, потрепать за ухо, пригладить волосы и при этом довольно взгыгкнуть: ова, мол, бродят! а! бродят, видишь ты... мелочь пузатая! Каждая бабулька – характер. Самая тихая и какая-то кроткая, не от мира сего, была как раз моя баба Паня. Она спокойным своим нравом гасила взбрыки товарок. Трудолюбивый и независимый человек, баба Паня не любила лишнего шума. Другая бабулька, тощая, задиристая коза, вечно совалась в чужие карты, а когда ее подглядывание встречало отпор, заливалась мелким обидным хохотком: «А што я? Да ништо я. Да иди ты. Да отстань ты. Лучче вон ходи давай!» Могла сказануть и что-нибудь въедливое. Зуб у нее был, вроде бы, золотой, улыбалась она криво, но очень заразительно, и всем своим видом вызывала мысли о шпане, то ли, может быть, о хитрых вороватых цыганах. Третья бабулька – поосанистей, черноволосая, раскосая, из татарвы,

смеялась всем телам, тяжкие складки колыхались, голос извлекал из старушечьего нутра бульканья и переливы. Эта отличалась хитростью, выигрывала она, кажется, больше всех, и за это ее любили и уважали меньше всех. Татаровистая обожала пропустить о ком-нибудь сплетенку посолонее, а рассказав, подмигнуть: вона я чего знаю! Наконец, четвертая, немногословная, суровая, старше прочих. Совиное у нее было лицо, тяжкое, расточенное морщинами во всех направлениях. Глядела четвертая бабулька исподлобья, шуточки и сплетенки не уважала, проигрыш и выигрыш принимала равнодушно. Говорила она реже остальных, но раскрыв рот, могла припечатать основательно и резко. Ее чуть побаивались и уважали. Ходила совиноликая с клюкой, медленно, с трудом переставляя тумбы отекавших ног. Тогда я не понимал этого, не мог понять, но вспоминая ту пору, теперь скажу с уверенностью: печать близкой смерти давала ей незримую власть над остальными... А впрочем, многолетний их подкидной или, если наскучит, переводной, хлесткие падения карт на серый от времени деревянный столик во дворе, бульканье татарки, хохот козы, суровые взоры совиноликой, негромкий правильный говорок бабы Пани – ничего злого и темного в себе не несли. Жизнь обошлась с бабушками по-разному, но без особой ласки; наверное, прежде, годков с полста назад, могли бы они стать соперницами, а теперь дряхлость урядила их гоноры, посадила их рядом и мудро устроила маленький мирок. «Бабульник» заражал тупичок из четырех-пяти домов тихой веселостью и даже азартом. Он неведомым образом упорядочивал местную жизнь, подвязывая к ней ребятню, заезжих взрослых, соседских алкоголиков, неудачливых погорельцев, хорошую колбасу, каковую продавали на Сетуни, хвори, свадьбы, ремонты, расписание электричек и грядущие праздники...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.